

ДАВИД РОЖИН*

О ЗНАЧЕНИИ КАНТОВСКОЙ ФИЛОСОФИИ ДЛЯ П. А. ФЛОРЕНСКОГО В РАННИЙ ПЕРИОД ЕГО ТВОРЧЕСТВА**

Получено: 07.03.2025. Рецензировано: 18.10.2025. Принято: 07.01.2026.

Аннотация: В рамках изучения рецепции кантовских идей во взглядах П. А. Флоренского на сегодняшний день остается непроясненной специфика отношения русского мыслителя в первые годы после окончания Московской духовной академии к философскому наследию Канта. Исследователям чаще всего представляется, что Флоренский был идейным противником, критиком и оппонентом Канта, о чем свидетельствуют более поздние высказывания русского философа. Но на раннем этапе творческого пути Флоренского в его позиции по отношению к Канту наблюдается иная тенденция, в которой обнаруживаются ранее неучтенные в историко-философских исследованиях аспекты. Для определения характера взглядов раннего Флоренского в отношении философии Канта рассматриваются возможные истоки восприятия им кантовских идей и производится анализ его первых лекций и программ преподавания по истории философии. Показано, что на позицию Флоренского касательно кантовского критицизма оказали влияние Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой и Алексей И. Введенский, чья мысль развивалась в русле оппозиции «Платон — Кант». В своих первых лекциях Флоренский демонстрирует не только глубокое знание кантовских текстов докритического и критического периодов, но и знакомство с современными ему кантоведческой литературой и неокантианским дискурсом. Вместе с тем продемонстрировано, что для раннего Флоренского, несмотря на его критическое отношение к трансцендентальному идеализму, Кант выступает одной из центральных историко-философских фигур, а также что русский философ проявлял интерес к истории возникновения кантовских идей. В итоге делается вывод, что философия Канта для раннего Флоренского не только не была объектом непримиримой критики, но стала одной из отправных точек для развития его собственной оригинальной мысли.

Ключевые слова: Кант, Флоренский, Алексей Введенский, Лопатин, С. Трубецкой.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-1-246-272.

*Рожин Давид Олегович, к. филос. н., научный сотрудник, лаборатория «Кантианская рациональность», Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Калининград), DRozhin1@kantiana.ru, ORCID: 0000-0003-4877-2598.

**© Рожин, Д. О. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: Данная публикация подготовлена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград).

ВВЕДЕНИЕ

В современной литературе, в том числе специальной, часто можно встретить утверждение, что для П. А. Флоренского Кант всегда был идейным противником. Это чаще всего подтверждается яркими цитатами из вступительного слова (Флоренский, 1990а) перед защитой на степень магистра в Московской духовной академии (далее — МДА) и цикла лекций «Философия культа» (1918–1921). Но в раннем творчестве Флоренского¹, еще на заре его преподавательской деятельности в МДА, можно встретить высказывания о Канте более положительного характера, высвечивающие не замеченный ранее в историко-философской литературе аспект в позиции Флоренского касательно кантовской философии. Отсюда цель данной статьи: установить значение кантовской философии для Флоренского в ранний период его творчества и уточнить характер его отношения к Канту. Для этого сначала будет раскрыт историко-философский аспект проблемы отношения Флоренского к Канту. Далее необходимо установить истоки восприятия Канта Флоренским, сначала в Московском университете (Л. М. Лопатин, С. Н. Трубецкой), а затем в Московской духовной академии (Алексей И. Введенский). Затем требуется проанализировать вступительную лекцию Флоренского «Космологические антиномии И. Канта» (1908), лекцию «Пределы гносеологии (Основная антиномия теории познания)» (1908/09 уч. г.), а также его лекцию «О значении биографии и личности Канта» (1910). Вместе с тем важно рассмотреть программы курсов и экзаменов по истории философии, подготовленные Флоренским в период его преподавательской деятельности в МДА.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЯ
ФЛОРЕНСКОГО К КАНТУ

В историко-философской литературе можно встретить различные оценки отношения Флоренского к кантовской философии. Так, еще в начале XX столетия Е. Н. Трубецкой отметил, что идеи Флоренского обнаруживают парадокс: с одной стороны, он был в числе тех, кто стремился сбросить с себя иго кантовской философии, но, с другой стороны,

¹Под временем раннего философского творчества Флоренского в статье понимается период до защиты магистерской диссертации «О духовной истине. Опыт православной теодицеи» в 1914 г. Характерной чертой данного периода является не только процесс формирования и уточнения собственной позиции Флоренского, но и, как будет показано в исследовании, повышенный интерес к кантовской философии.

он испытал «непобежденное влияние этого философа (Канта. — Д. Р.), неосознанное, но тем более упорное кантианство» (Е. Н. Трубецкой, 2011: 286). Дело в том, пишет Трубецкой, что логические формы у представителей мистического алогизма, одной из ключевых фигур которого был Флоренский, мыслятся «*по-кантовски как чисто субъективные, антропологически обусловленные формы человеческой мысли*» (там же). А раз они субъективны, то все, что с ними связано, а именно абсолютное, единое, безусловное и т. п. — временно, а значит, умрет вместе с прекращением существования человека. Следовательно, по мысли Трубецкого, из-за ограниченности логических форм откровение становится невозможным, нам ничего не открыто. Конечно, стоит учитывать тот факт, что Трубецкой не разделял взглядов Флоренского, относя его к числу своих противников и указывая на бессознательное кантианство Флоренского как источник его же антиномизма (там же: 286–287).

Среди современных историков философии также можно встретить мнение, что Кант был для Флоренского одним из самых нелюбимых философов, но при этом отмечается, что Флоренский считал необходимым изучать и использовать его мысли (см., напр.: Паршин, 2013: 172). В частности, Т. Б. Длугач указывает, что почти все работы Флоренского содержат прямую или скрытую полемику с кантовскими основоположениями и принципами. Смысл же главного упрека со стороны Флоренского в адрес Канта Длугач видит в кантовском рационализме, вытекающем из протестантизма. В то же время, по мнению исследователя, Флоренский, как и Кант, стремился отыскать целостный образ разума, разница лишь в том, что для русского философа этот образ сопряжен с религиозностью, а для немецкого — с нравственностью и эстетикой (Длугач, 1994: 187–189). При этом Флоренский, пишет Длугач, близок к Канту в понимании нравственности и искусства (там же: 201).

Некоторые исследователи однозначно утверждают, что Флоренский рассматривал Канта как своего идейного противника (Баяк и Форд, 2013: 271) или главного оппонента (Кузнецов, 2013: 396–397). Американский исследователь рецепции кантовских идей в русских духовных академиях Т. Немет считает, что Флоренский видел в кантианстве ошибочную и неверную философию, ведущую к скептицизму и отрицанию религии, а сочинения Канта рассматривал как ступеньку к спиритуализму (Nemeth, 2023: 305).

Отдельного внимания заслуживают позиции отечественных кантоведов Л. А. Калининкова и А. Н. Круглова. Первый считает, что Флоренский «резко критикует» Канта, но в то же время «шагу не может

ступить без опоры на него» (Калинников, 2005: 16). В качестве ближайшего примера Калинников указывает на довольно популярный в историко-философской литературе пассаж Флоренского из сочинения «Столп и утверждение Истины»:

В истории плоского и скучного мышления «новой философии» Кант имел дерзновение выговорить великое слово «антиномия», нарушившее приличие мнимого единства. За это одно заслуживал бы он вечной славы. Нет нужды, что собственные его антиномии неудачны: дело — в переживании антиномичности (Флоренский, 1990b: 169).

Л. А. Калинников декларирует, что Флоренский, для которого антиномии были важнейшей, а возможно и основополагающей идеей, «обязан Канту и только Канту» (Калинников, 2005: 16). Кантовские антиномии, согласно исследователю, также позволяют Флоренскому, «вывернув кантовский подход наизнанку», обосновать онтологизм (там же: 174). Вместе с тем Калинников заявляет, что и путь Флоренского посредством символизации мира от теодицеи «Столпа и утверждения Истины» к антроподицеи «У водоразделов мысли» был прочерчен также Кантом (там же: 176).

А. Н. Круглов считает Флоренского мыслителем, который в пылу своего антикантианства переходит на личности и даже опускается до сплетен (Круглов, 2024: 582). Такую позицию он обосновывает ссылками на ряд высказываний Флоренского из его лекции «О значении биографии и личности Канта», прочитанной в сентябре 1910 г. (Флоренский, 2007). Указанная лекция действительно представляет собой набор язвительных характеристик, данных Флоренским Канту. И все потому, что «Кант — это душа и осознание богоборческой европейской культуры» (там же: 39). Но в то же время Флоренский в начале лекции отмечает: «Вы видели великое значение Канта. Он произвел величайшую из революций» (там же: 33).

Наконец, еще одну более или менее оригинальную в сравнении с другими позицию в рассматриваемом вопросе занимает И. Свиридов, который замечает, что у раннего Флоренского еще можно обнаружить симпатии к Канту, но в зрелом возрасте он настроен антикантиански (Свиридов, 1986: 266). Подобную же мысль высказывает сербский исследователь Б. Лубардич (Лубардић, 2011: 235).

Таким образом, представленные мнения исследователей совпадают в том, что философия Канта однозначно оказала влияние на становление мысли Флоренского, хотя это влияние оценивается по-разному. Но

относительно того, всегда ли Флоренский оценивал идеи кенигсбергского философа одинаково негативно, нет однозначного ответа. Более того, в историко-философской науке вопрос об эволюции отношения Флоренского к Канту до сих пор не стал предметом специального рассмотрения.

ИСТОКИ ВОСПРИЯТИЯ КАНТОВСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ФЛОРЕНСКОГО

Чтобы понять характер отношения раннего Флоренского к Канту, необходимо выяснить, когда и при каких обстоятельствах состоялось первое знакомство Флоренского с кантовской критической философией.

В одном из зарубежных исследований, посвященных Флоренскому, встречается высказывание, что именно под влиянием Алексея И. Введенского Флоренский в первый год обучения в МДА очень заинтересовался философией Канта (Zust, 2002: 88). Это неверно: Флоренский открыл для себя Канта не позднее времени своего обучения в Московском университете², чему, несомненно, могли способствовать преподававшие здесь в то время философские дисциплины Л. М. Лопатин (1855–1920) и С. Н. Трубецкой (1862–1905) (Павлов, 2013: 104). По случаю смерти своего друга В. Ф. Эрна Флоренский вспомнит, как они вместе «ценили благородный пафос кн. С. Н. Трубецкого и острую критичность Л. М. Лопатина» (Флоренский, 1996: 346). У Лопатина, как и у Трубецкого, была своя история взаимоотношений с философским наследием Канта, о чем речь подробнее пойдет дальше.

Лопатина, пишет Круглов, современники однозначно записывали в разряд антикантианцев (Круглов, 2024: 555). Более того, Е. Н. Трубецкой замечает, что Лопатин исторического Канта заменил Кантом, выдуманым Шопенгауэром (Е. Н. Трубецкой, 2000: 219–220). Как отмечает Круглов, в философских публикациях Лопатина прослеживается регулярное обращение к Канту (Круглов, 2024: 557), хотя русский философ и находился отчасти под влиянием неокантианского толкования кантовской философии как теории познания (там же: 561). Лопатин, резюмирует Круглов, без сомнения, глубоко изучил текст двух изданий «Критики чистого разума», знал современную ему кантоведческую литературу, но не так хорошо разбирался в кантовских произведениях

²В сборнике статей исследователей жизни и творчества русского философа под названием «Павел Александрович Флоренский» указано, что он читал произведения Канта непосредственно перед поступлением в Московский университет (Павел Александрович Флоренский, 2013: 491).

по этике (Круглов, 2024: 558). Вместе с тем исследователь отмечает: «Несмотря на временами декларативный отказ от Канта, в работах Лопатина обнаруживается немало прозрений в кантовскую философию — даже больше, чем у некоторых завзятых кантианцев» (там же: 574).

Что касается места Канта в истории философии и оценок его философской деятельности, то Лопатин заявляет, что Кант — «один из величайших философов, которые когда-либо являлись» (Лопатин, 1923: 50), который «страшно обогатил» философию своими исследованиями (Лопатин, 1995: 63). В то же время Лопатин говорит и о недостатках кантовской мысли, которая страдает «поражающей односторонностью», «очевидной непоследовательностью», «неясностью выводов» (Лопатин, 1923: 50). Тем не менее он неоднократно подчеркивал ту заслугу Канта, что благодаря его критической философии потерпел логическое крушение материализм (Лопатин, 1917: 22).

Знакомство С. Н. Трубецкого с мыслью Канта состоялось в юные годы. Как пишет П. П. Гайденко, Трубецкой в 17 лет освобождается от духа отрицания и нигилизма, в чем ему помогли сочинения К. Фишера, обратив взор русского философа к немецкому идеализму. Тогда же Трубецкой познакомился с «Критикой чистого разума» и стал погружаться в мир великого кенигсбержца (Гайденко, 1994: 5).

Позднее в годы учебы в университете Трубецкой, симпатизируя платоновскому идеализму в христианской интерпретации, выступил с критикой различных представителей немецкого идеализма. В частности, об этом свидетельствует его рукопись с пометкой «Для кандидатского сочинения» — «Исторические основы Шопенгауэра в Канте» (1885). Трубецкой полагает, что последовательный идеализм должен вести к метафизике, опирающейся на объективные начала познания, а не на немецкий рационализм (Ермишин, 2017: 48–49). А для Канта, пишет Трубецкой, непосредственным результатом первой «Критики» является невозможность, ложность метафизики (С. Н. Трубецкой, 1994: 535).

В то же время Трубецкой не стесняется высоко оценивать роль Канта в истории философии, называя последнего «великим, мудрым... Коперником новой философии» (там же: 522). Б. М. Мелиоранский отмечает, что Трубецкой видел заслугу Канта в том открытии, согласно которому человеческий опыт обусловлен формами чувственного восприятия и формами мышления. Но в то же время в отстаивании только их субъективного характера русский философ, в свою очередь, видит ошибку Канта (Мелиоранский, 1906: 204–205).

Трубецкой выступал против идеи возврата назад к Канту, поскольку это знаменует «отрицание всех учений, вытекших из Канта, а следовательно, и всех плодотворных метафизических элементов, которыми была переполнена его философия» (С. Н. Трубецкой, 1994: 524–525). Здесь русский философ вступает в полемику с современным ему марбургским неокантианством, одной из характерных черт которого было отрицание возможности метафизики (Дмитриева, 2007: 42). Но в то же время для Трубецкого и таких марбуржцев, как Г. Коген и П. Натторп, отмечает В. Н. Белов, характерны антипсихологизм, высокая оценка Платона и Канта. В отношении последнего они единодушны как в подчеркивании заслуг кантовской философии, так и в критике ее недостатков, однако отталкиваются они от разных посылок (Белов, 2014: 9). По этому поводу Белов пишет: «Трубецкой исправляет Канта через Гегеля... неокантианцы стремятся остаться с духом и буквой кантовской философии, учитывая опыт Гегеля и Фихте, но не соглашаясь ни с объективными, ни с субъективными тенденциями этих исправлений» (там же: 13). В результате Трубецкой приходит к жесткой оценке немецкого неокантианства: «неокантизм есть кантизм без Канта, выхолощенный критицизм, из которого удалены все живые, плодотворные побег» (С. Н. Трубецкой, 1994: 524).

Еще один эпизод из жизни Трубецкого заслуживает внимания, поскольку касается непосредственно самого Флоренского. В 1902 г. под руководством Трубецкого было открыто Студенческое историко-филологическое общество при Московском университете (Павел Александрович Флоренский, 2013: 492), членом которого был Флоренский. В том же году в письме к своей матери Флоренский сообщал, что общество планирует издать собрание латинских диссертаций Канта в русском переводе. Сам он «взял одну маленькую, страниц в 20» и собирался впоследствии взять еще одну. Как пишет В. А. Шапошников, издание латинских сочинений Канта не состоялось, но Флоренский выполнил в октябре 1902 г. перевод «Физической монадологии» Канта (Кант, Флоренский, 1905; Павел Александрович Флоренский, 2013: 492), которая была опубликована уже в годы его обучения в МДА (Шапошников, 2011: 41), но уже при помощи другого наставника, Алексея И. Введенского (Nemeth, 2023: 305).

Итак, Флоренский в годы своего обучения в Московском университете имел все предпосылки не только для глубокого знакомства с кантовскими идеями, но и для формирования под влиянием Лопатина и Трубецкого собственного отношения к трансцендентальному идеализму.

В 1904 г. Флоренский поступил в МДА, где на тот момент философские дисциплины преподавал Алексей И. Введенский.

Введенский в годы обучения Флоренского (1904–1908) был профессором кафедры логики и метафизики (Аноним, 1912: 395–396), которую до него занимали ярчайшие представители русской духовно-академической философии — Ф. А. Голубинский и В. Д. Кудрявцев-Платонов, взгляды которых развивались в заочном диалоге с Кантом (см. Рожин, 2021; 2023). Отношение самого Введенского к Канту было таким же неоднозначным, как у Лопатина и у Трубецкого. Введенский также стремился отстоять позицию традиционной метафизики перед лицом критической философии Канта, отсюда и двойственные оценки:

Глубокая мысль Канта [...] что абсолютное, по самому понятию своему, не может осуществиться в мире нашего опыта и потому должно навсегда остаться трансцендентальным идеалом нашего разума, — эта мысль содержит в своей основе бесспорную истину. Великий агностик, как и агностики всех времен, заблуждался лишь в том, что настаивал на безусловной и всецелой трансцендентности, а следовательно и непознаваемости абсолютного (Введенский, 1892b: 135).

Еще одной характерной чертой отношения Введенского к Канту является стремление поставить немецкого философа в оппозицию Платону, как это делали в свое время П. Д. Юркевич (см., напр.: Юркевич, 1865: 356–357), С. Н. Трубецкой и впоследствии Флоренский. В газетной заметке, посвященной столетию со дня смерти Канта, Введенский, отдавая предпочтение философии Платона, обвиняет Канта в том, что он своим рационализмом «иссушил мысль новейшего культурного человечества» (Введенский и Рожин, 2024: 167). Но вместе с тем Введенский признает и заслуги Канта, которыми он «стяжал себе несомненное, неоспоримое, да и неоспариваемое право на бессмертие в истории, на вечную признательность культурного человечества» (там же: 168).

С первых своих публикаций Введенский периодически говорит о философии будущего, в которой Канту отводилась роль «общепризнанного учителя» и «пророка философии будущего в Германии» (Введенский, 1894b: 82). Дело в том, что, по мнению Введенского, «Канта нельзя обойти тому, кто хочет заниматься философией серьезно. Его идеи необходимо изучить и критически продумать: иначе он будет вечно стоять пред сознанием темным и смущающим признаком» (Введенский, 1895: 390). Данная установка Введенского, как будет показано ниже, сыграла в преподавательской деятельности Флоренского свою

роль. Пророческий характер философии Канта, по мысли Введенского, обнаруживается в «зерне его философии» — «преобразованном волонтаризме» (Введенский, 1894b: 81–82), то есть в исследовании законов нравственной воли как ключе к постижению действительности.

Какое значение имел Введенский для Флоренского, хорошо демонстрирует поздравительная речь последнего, адресованная Введенскому по случаю 25-летнего юбилея преподавательской деятельности. Флоренский в первую очередь называет себя учеником и младшим сотрудником в преподавании философии Введенского и утверждает, что всякий, кому пришлось бы воспринять от Введенского то, что он дал Флоренскому, чувствовал бы к тому не меньшую благодарность. Флоренский также вспоминает, что первое заочное знакомство с Введенским у него состоялось посредством книги «Современное состояние философии в Германии и во Франции» (Введенский, 1894a), к которой Флоренский отнесся с недоверием, задаваясь вопросом: «Может ли быть что доброе из церковной школы?» Для «очистки совести» Флоренский все-таки начал читать указанный труд и обнаружил для себя, что имеет дело с «мыслителем тонкого анализа и с писателем литературного дарования». С тех пор Флоренский утвердился в мысли, что церковная школа — «величина самостоятельная», а не «неудачный осколок школы светской», как он и думал раньше. Флоренский также отмечает, что на него «важное и жизненное действие» оказали три идеи Введенского — идея церковной школы, церковной науки и русской философии (Аноним, 1912: 420–422).

Конечно, слова благодарности своему наставнику и коллеге могли быть лишь комплиментарным жестом, но есть ряд параллелей, показывающих обратное, а именно что Флоренский сочувствовал некоторым идеям Введенского. Указанные параллели, в частности, касаются и кантовского дискурса.

В целом следует заключить, что у Флоренского еще до периода его обучения в МДА под влиянием Лопатина и Трубецкого могли сформироваться определенные оценки кантовской философии, которые отразились в дальнейшем на его взглядах. Также нельзя не отметить сходства в методе развития собственных философских интуиций: чтение и критика Канта из историко-философской перспективы. В то же время симпатия Флоренского к Платону на фоне ревизии кантовского идеализма также указывает на влияние не только Введенского, но и его университетских наставников.

ОЦЕНКИ КАНТА ФЛОРЕНСКИМ ПО МАТЕРИАЛАМ РАННИХ ЛЕКЦИЙ
И ПРОГРАММ ПРЕПОДАВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Ранний Флоренский уже находился в рамках оппозиции «Платон — Кант», но в то же время признавал значение кенигсбергского философа наравне со значением Платона. Так, в 1908 г. Флоренский скажет:

Платон и Кант... С именами этими навеки срослось самое значительное, что есть в философии, и если бы погибли все философские произведения, кроме *Диалогов* Платона и *Критик* Канта, то, кажется, мы все-таки сохранили бы право гордиться философскою библиотекою человечества (Флоренский, 1909: 596).

Кант для Флоренского был в буквальном смысле «исполином философии» (там же: 597). Эти слова прозвучали на первой известной опубликованной лекции Флоренского, прочитанной *pro venia legendi*³ и посвященной космологическим антиномиям Канта.

Флоренский в указанной лекции изначально напоминает о задаче «Критики чистого разума», о делении и особенностях познавательных способностей и приводит краткий итог первой «Критики»:

...познание, с точки зрения Канта, ограничено областью чувственного *опыта* и [...] следовательно, метафизика, претендующая на познание сверхчувственного чрез за-опытное, нечувственное применение форм разума, есть сплошное недоразумение (там же: 598).

Затем русский философ более пространно излагает основную мысль трансцендентальной диалектики Канта, в частности раскрывает, как и почему разум приходит к трансцендентальной видимости и пытается создать метафизическое знание; и наконец, переходит к рациональной космологии, антиномиям и выводам кантовской антитетики чистого разума (там же: 598–608). В результате Флоренский заключает, что рациональная космология, по мнению Канта, оказывается несостоятельной тогда, когда не учитывает различия между явлениями и вещами самими по себе (там же: 607).

Следующий шаг, который делает русский философ в своей лекции, отвечает на вопрос, из какого исторически данного материала сформировалось кантовское учение об антиномиях и как. Он замечает, что этот вопрос на момент, когда была прочитана лекция, не получил точного ответа и, несмотря на Г. Файхингера, погибшего в «не переплываемом

³Для получения права читать лекции (*лат.*).

море Кантовской литературы», даже об истории «Критики чистого разума» практически ничего не известно (Флоренский, 1909: 608–609). В частности, Флоренский приводит мысль Ф. Паульсена из сочинения «Иммануил Кант, его жизнь и учение» о том, что возникновение учения об антиномиях представляет трудную проблему, которая вряд ли когда-нибудь будет решена вполне (Паульсен, Лосский, 1905: 204–205).

Нельзя не обратить внимание на то, что Флоренский здесь упоминает две фигуры, с одной стороны, имеющие отношение к кантианскому и неокантианскому дискурсу, с другой стороны, хорошо знакомые его наставнику в МДА Введенскому. На *Commentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft* Файхингера Введенский преимущественно ссылается в интерпретации и критике слабых сторон трансцендентальной эстетики кантовской «Критики чистого разума» (см. Введенский, 1895). Что касается Паульсена, то Введенский, во-первых, называет его «автором замечательного труда о Канте»⁴, во-вторых, русский философ слушал его курс «Введение в философию» в Берлинском университете в 1891 г. (Введенский, 1892а: 30). Вполне вероятно, что здесь мы имеем косвенное свидетельство влияния Введенского на восприятие Флоренским кантовских идей.

Отвечая на вопрос о генезисе кантовского учения об антиномиях, Флоренский обращается к историческому спору между Ньютоном и Лейбницем, оказавшему влияние на непосредственных учителей Канта, вольфианца М. Кнутцена и ньютонианца И. Г. Теске, что привело к столкновению во взглядах Канта метафизики и натурфилософии, соответственно, породило две первые антиномии. Также русский философ обращается к биографическим фактам, указывающим на столкновение в сознании Канта пиетизма и естественных наук, что породило последние две антиномии. Флоренский пишет:

Дальнейшее течение Кантовой жизни всегда проходит одно русло, — русло, стесненное этими двумя берегами. То бросаясь от вольфианства к ньютонианству, или наоборот, то силясь сочетать их воедино, то снова отчаиваясь в возможности успеха, Кант никак не может подняться над ними, никак не может оставить стесняющие его берега и прорваться глубже, в религиозную мистику. Антиномии — это сложение оружия Кантом (Флоренский, 1909: 610–611).

⁴Вероятно, здесь имеется в виду цитируемое Флоренским сочинение «Иммануил Кант, его жизнь и учение».

Хотя в 1756 г., отмечает Флоренский, когда была представлена диссертация под названием «Физическая монадология», Кант еще надеялся логически примирить Ньютона и Лейбница, но уже тогда он отдавал себе отчет, что соединить их труднее, нежели впрячь грифов вместе с конями (Кант, Флоренский, 1905: 101).

В антитетике чистого разума, по мнению Флоренского, Кант стремится не «засыпать пропасть» между Лейбницем и Ньютоном, а «углубить противоречие» между ними, «сделать ссору окончательной», что было нужно ему для системности. Поэтому русский философ подчеркивает, что «построение антиномий отличается не только *искусством*, с которым они приспособлены к Критике, но и *искусственностью*, а доказательство их — произволом и кажущейся строгостью» (Флоренский, 1909: 612–613). Именно это положение Флоренский обосновывает дальше в своей лекции.

Не вдаваясь в подробности аргументации Флоренского, следует обратить внимание, что для него Кант антиномии «уложил в прокрустово ложе» рассудочных категорий (там же: 613). Здесь имеется в виду, что Кант предложил четыре антиномии, подразумевая, что каждая соотносится с некоторой категорией чистого рассудка. Но русский философ считает кантовский набор категорий, а вслед за ним и набор антиномий неверным и предлагает свои шесть антиномий, которые делятся не только на математические и динамические, но и на антиномии, касающиеся пространственной характеристики мира, и антиномии, касающиеся временной характеристики мира (там же: 618). При этом Флоренский считает, что последней кантовской антиномии в рациональной космологии не место, так как она вводит чисто онтологическое понятие «просто-необходимого существа». Если такое существо понимать «космологически, то четвертая антиномия повторяет третью антиномию о конечной и бесконечной причинности, и тогда не для чего выделять ее в самостоятельную» (там же: 614).

Кант, по мысли Флоренского, не смог доказать антиномии разума, поскольку в них сталкиваются разные функции сознания: в тезисах антиномий речь идет о немыслимости противоположного, в антитезисах — о непредставимости. При этом главным возражением русского философа Канту становится непринятие последним во внимание идеи актуальной бесконечности, которая дана, но не исчерпывается никаким конечным рядом синтезов (там же: 619–620). В итоге Флоренский заключает:

Идея о возможности антиномий разума — это самая глубокая и самая плодотворная из идей Канта. Но доказательство действительного их *существования*, — кажется, самое непрочное место Критики (Флоренский, 1909: 620–621).

Только что представленная лекция демонстрирует прекрасное знание Флоренским как «Критики чистого разума», так и кантовских докритических работ. Также он демонстрирует знакомство с кантоведческой литературой. Вместе с тем примечательно, что Флоренский в данной лекции совершает то, к чему Введенский призывал еще в своих ранних статьях 1890-х гг.: вернуться назад к кенигсбергскому мудрецу, чтобы его критически продумать и преодолеть (Введенский, 1894b: 82). Подобная стратегия обнаруживается и во взглядах университетских наставников Флоренского — Лопатина и Трубецкого.

В более поздней лекции из курса «Введение в историю античной философии» 1908/09 уч. г. (Флоренский, 1913), когда Флоренский был уже исполняющим должность доцента на кафедре истории философии МДА (Флоренский, 1994: 37), он обращается к гносеологической проблематике. Его волнует вызывающее «зуд» раздвоение акта знания на субъект знания и на объект знания. Соответственно, задачу теории познания Флоренский видит в прекращении этого зуда уничтожением «фактически-данной» двойственности акта знания, иначе — приведением указанной раздвоенности к одному моменту. Как следствие, утверждает философ, теория познания должна быть монистической (Флоренский, 1913: 147).

Флоренский стремится рассмотреть основные направления мысли в рамках монистической теории познания. Всего таких направлений философ насчитывает три: два основных — реализм и идеализм (или рационализм), которые «терпят неудачу», и альтернатива для первых двух направлений — «путь к преобразению действительности», который не является только теоретическим (там же: 148). Сама постановка задачи «преобразования действительности» косвенно указывает на влияние со стороны концепции «преобразованного волюнтаризма», отдающей приоритет не одному только теоретическому разуму, но и практическому. Напомним, что приверженцем данной концепции был Введенский.

Реализм, согласно Флоренскому, из объекта дедуцирует субъект, идеализм или рационализм, наоборот, из субъекта дедуцирует объект. Отчетливым выразителем первого направления русский философ называет Н. О. Лосского, второго — Г. Когена и его учеников. Именно реализм и идеализм, по мнению Флоренского, представляют собой

«основную антиномию науки о знании» (Флоренский, 1913: 148–149). К сожалению, в опубликованной части лекции Флоренского представлена только позиция рационализма (о публикации других частей ничего не известно), которой русский философ, по всей видимости, не сочувствует, — но в контексте рассматриваемого в статье вопроса важно, как он ее продумывает и представляет.

Знание, согласно рациональному направлению в теории познания, пишет Флоренский, состоит из бесконечного ряда актов (они могут быть упорядоченными или беспорядочными, во втором случае знание может быть названо «естественной мистикой» (там же: 172)) рефлексии (потенций), куда относятся также и инфлексии, под которыми понимается возвращение сознания в себя, но не на себя (там же: 160). При этом каждый акт рефлексии есть вместе субъект, или идеальное начало, и объект, или реальное начало. Поскольку акты рефлексии как члены ряда в сознании взаимосвязаны, то «каждый акт сознания реален, в отношении к последующему, и идеален, в отношении к предыдущему». Следовательно, объект и субъект в каждой потенции знания образуют «дву-единство» (там же: 161). Сама же последовательная смена потенций сознания порождает временной ряд или идею времени, но при этом сам ряд потенций не историчен, а «историогенен», соответственно, он вне времени. А последовательность в ряду потенций сознания представляет собой «логическую последовательность» и не требует времени (там же: 167). Течение времени в рационализме объявляется иллюзией, и, по словам Флоренского, в этом направлении теории познания декларируется:

Итак, мы повторяем Коперниковский переворот, но только в расширенном виде. То, что сказал *Коперник*⁵ о движении светил небесных, мы теперь распространяем на всякое движение, на всякое изменение, на самое время [...] Коперник объявил, что движение солнца — кажущееся и обусловлено тем, что мы движемся. А мы теперь заявляем, что время не бежит, а лишь кажется бегущим, — от того, что мы меняем свою точку зрения на собственные акты познания. Мы бежим вдоль ряда потенций, и нам представляется, что ряд потенций движется мимо нас. Это-то прохождение в сознании потенций мы и называем *временем* (там же: 169–170).

⁵В ранее рассмотренной лекции Флоренский называет «Коперником философии» именно Канта, поэтому здесь, более чем вероятно, речь идет о кантовской Коперниканской революции в философии.

Флоренский также обозначает два вопроса, на которые стремятся ответить представители рационализма: что есть трансцендентальный или чистый субъект и трансцендентный или чистый объект (вещь сама по себе)? В рамках рационализма трансцендентальный субъект никогда не может стать объектом, так как он трансцендентен знанию, но в то же время знанием постулируется. Соответственно, трансцендентальный субъект не может быть дан в качестве познаваемого, но всегда только задан. В случае с чистым объектом повторяется ситуация трансцендентального субъекта: он трансцендентен знанию, но знанием постулируется. Как следствие, чистый объект никогда не дан, но также всегда только задан (Флоренский, 1913: 164). Вместе с тем каждый акт знания всегда включает в себя *«забытую вещь в себе»* и *«запамятованного трансцендентального субъекта»*, хотя они и трансцендентны сознанию. Подобное рассуждение ведет к утверждению, что «всякое узнавание есть *воспоминание*: либо „прошедшего состояния“ знания, знания в „прошлом его состоянии“, либо знания в его „будущем состоянии“» (там же: 170). Поэтому «познавание есть припоминание, как и учит Платон... припоминание того, что видела душа до своего рождения, в горнем мире» (там же: 173). Само же знание, несмотря на свою ограниченность, по своему существу бесконечно и, как следствие, иррационально (там же).

В представленном обзоре рационалистического направления в теории познания подтверждается хороший уровень знакомства Флоренского как с кантианским, так и с неокантианским дискурсом. Вместе с тем нельзя не отметить, что между критикой рационализма у Флоренского и критикой кантовского рационализма у Лопатина, Трубецкого и Введенского видится параллель. Все представленные философы находятся в русле оппозиции «Платон — Кант», более тяготеют к духу платоновского идеализма и высказывают критику в сторону кантовского критицизма.

В 1910/11 уч. г. Флоренский прочитал студентам второго курса МДА курс лекций на тему «Философия И. Канта в связи с философией предшествовавшей и с философией последующей». По содержанию этот курс был посвящен кантовской философии как докритического, так и критического периода, а также ее значению в историко-философской мысли и влиянию на последующую мысль. Что касается уровня получаемых академистами знаний, то об этом свидетельствует экзаменационная программа по истории философии для студентов второго года обучения, где в каждом билете представлен вопрос, посвященный жизни, сочинениям и идеям Канта (Трубачёв, 1986: 228). Всего таких

вопросов на экзамене было 28, 19 из них отводились разбору ключевых понятий и идей «Критики чистого разума», 6 вопросов — докритическим сочинениям («Мысли об истинной оценке живых сил», «Всеобщая естественная история и теория неба», «Физическая монадология», «Об огне», «Покой и движение») и 4 вопроса — обзору докритических, критических сочинений, жизни Канта и общему характеру его философии.

Знакомство с указанным списком вопросов подводит к мысли, что для Флоренского одной из главных задач курса по истории философии в 1910/11 уч. г. было детальное знакомство студентов с кантовским наследием. Согласно А. В. Задорнову, представленные программа и билеты по истории философии этого периода позволяют сделать вывод, что для Флоренского античность и кантианство — два центра исторического развития в оптике русского философа (Задорнов, 2010).

Действительно, из содержания экзаменационной программы по истории философии 1910/11 уч. г. можно сделать вывод, что для раннего Флоренского Кант находится в центре внимания. Но при этом следует учитывать тот факт, что такой курс Флоренский читал только один раз за всю свою преподавательскую деятельность. Для сравнения, в экзаменационной программе по итогам предыдущего 1909/10 уч. г., состоящей из 36 билетов (по два вопроса в каждом), содержится только два вопроса, посвященных Канту: «23) 1. Особенности философии второго периода; Кант (биография, сочинения)» и «24) 1. Кант („Критика чистого разума“)» (Трубачёв, 1986: 229). А в 1911/12 уч. г. кантианская повестка по сравнению с 1910/11 уч. г. была уже значительно разбавлена: из четырех частей программы курса по истории философии Канту отводилась только одна (там же: 228). Экзаменационная программа этого года содержит меньше специально посвященных кантовской философии вопросов, чем в 1910/11 уч. г.:

- 7) Основное начало философствования Канта...
- 10) Истолкования критицизма Канта...
- 13) Учение Канта о пространстве.
- 14) Учение Канта о времени.
- 15) «Категории» в критицизме Канта. Ход мысли в диалоге «Пир» Платона.
- 16) «Трансцендентный» и «трансцендентальный»...
- 18) Кант и Платон (сравнительная характеристика теории познания того и другого) (там же: 230).

Следует отметить, что примерно такую же программу преподавания истории философии Флоренский реализовывал последующие три года. В 1915/16 уч. г. философия Канта в программе упоминается среди прочего, вскользь: «Системы категорий: Аристотель, Кант, немецкий идеализм, Гартман, неокантианство» (Трубачёв, 1986: 231). Зато больше внимания Флоренский уделил античной философии, а Платону выделил отдельный блок. В экзаменационных билетах кантовской философии отводился всего один вопрос: «2) Примеры системы категорий; связь кантовской и неокантианских систем с механической культурой Запада» (там же: 232).

Из анализа представленных программ и экзаменационных билетов возникает несколько вопросов. Что побудило Флоренского прочитать в 1910/11 уч. г. довольно оригинальный блок лекций, посвященных Канту, и, соответственно, внести в каждый экзаменационный билет по истории философии вопрос по кантианской проблематике? И почему он не продолжил дальше читать этот курс? Есть ли какая-либо внутренняя связь между представленными программами разных лет?

А. Трубачёв считает, что Флоренский рассматривал свои лекции как материалы для будущих книг (там же: 230), как следствие утверждая, что вся лекционная деятельность Флоренского в МДА предстает как «внутренне единая, имеющая целью построение православной антропологии» (там же: 234). Отчасти это мнение подтверждается динамикой изменений в содержании программ и билетов по истории философии. Поэтому нельзя исключать того факта, что Флоренский мог выстраивать программу лекций и говорить со студентами на занятиях о том, что он осмысливал на конкретном отрезке своего жизненного пути. Но как быть с тем фактом, что программа по истории философии 1910/11 уч. г. неожиданно возникла и в последующие годы не повторялась?

Возможны несколько причин. Во-первых, Флоренский продумывает свою позицию в отношении кантовской философии. Несмотря на то что тональность отношения к кенигсбергскому мыслителю была задана некогда Лопатиным, Трубецким и Введенским, Флоренский стремится к самостоятельному исследованию кантовского идеализма. Во-вторых, Флоренский, будучи молодым преподавателем, ищет свою концепцию программы истории философии. В 1908/09 и 1909/10 уч. г. Флоренский уделяет внимание только античной философии, но далее в 1910/11 уч. г., как было показано, вводится углубленное изучение философии Канта, и этот компонент сохраняется в сокращенной форме

в программах последующих лет вплоть до 1915/16 уч. г. (Павел Александрович Флоренский, 2013: 496–501). В-третьих, в жизни Флоренского и накануне, и во время чтения лекций, и после них происходит много личных событий. В частности, он женится, узнает о смерти одного из наиболее близких друзей юности — С. С. Троицкого (1881–1910), его рукополагают в сан диакона и несколько позже — в сан пресвитера, затем у четы Флоренских рождается первый ребенок (там же: 497–498). Среди перечисленных причин принятие священного сана могло больше всего повлиять на стремление Флоренского обосновать высокое значение культа для Церкви Христовой и, соответственно, значительно решительнее противостать Канту, что и наблюдается в «Философии культа».

Что касается оценок кантовской философии, то в этом отношении показательны наброски к лекции Флоренского из курса по истории философии 1909/10 уч. г. под названием «О значении изучения биографии и личности Канта». Ранее уже было указано, что данная лекция обнаруживает противоречие в оценках Канта и по своему содержанию представляет собой набор язвительных характеристик кенигсбергского философа. Но при ближайшем рассмотрении дело выглядит иначе.

Русский философ в первых же строках своих набросков замечает, что важно не чем Кант был на самом деле, а как восприняли его ближайшие поколения. Одним из типичных выразителей и популяризаторов кантовских идей, пишет Флоренский, является немецкий поэт Г. Гейне (Флоренский, 2007: 33). По замечанию Круглова, Кант у Гейне, проводившего параллели между кантовской философией и Французской революцией, выступает неким террористом и создает источник терроризма (Круглов, 2021: 66): он — «великий разрушитель в царстве мысли» (Гейне, Горнфельд, 1936: 103).

Флоренский ссылается на сочинение Гейне «К истории религии и философии в Германии» и упоминает о сравнении Канта с французскими революционерами, в то же время еще раз отмечая, что для него здесь важна не правильность сравнений Канта, но то, что было в Канте воспринято современниками (Флоренский, 2007: 34). Тем не менее обозначенный подход Флоренский в дальнейшем в своих набросках не выдерживает. Дело в том, что русский философ, развивая высказывания Гейне, доводит их до крайности и вместе с тем словно выражает свою позицию: «До сих пор все еще чувствуется непосредственное вторжение Канта в душу наших современников. [...] И сейчас его костлявая рука ворует сердца, чтобы убить их» (там же: 36).

Впоследствии позиция Флоренского все же проясняется и входит в русло сопоставления Канта с Платоном и Сократом. Реальность духовного и физического мира в этом сравнении становится лейтмотивом. Кант для Флоренского стал тем, кто привел к параличу активности человека посредством «отрезания» его от реальности (Флоренский, 2007: 37–38), стал источником «враждебной нам европейской культуры». Платон же дал понятие идеала, получившего развитие в православной мысли (там же: 40–41).

В контексте исследования влияния Введенского на Флоренского интересен тот факт, что в 1909/10 уч. г. Флоренский среди прочих предложил тему «Проблема времени по Дёрингу» в качестве семестрового сочинения по философии (Трубачёв, 1986: 236). Принимая во внимание то, что Введенский посещал лекции Дёринга в Берлинском университете (Введенский, 1893: 288), а также считал его метафизические построения философией будущего в Германии (Введенский, 1894b: 84–92), можно предположить, что указанную тему Флоренский предложил не без влияния Введенского. Последнее, в свою очередь, также указывает на возможность того факта, что курс Флоренского по философии Канта мог быть инициирован именно под влиянием Введенского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной историко-философской науке по-прежнему не был должным образом проблематизирован вопрос об отношении раннего Флоренского к философскому наследию Канта. Исследователи чаще стоят на той позиции, согласно которой Кант для Флоренского был идейным противником, и практически никак не учитывают специфику отношения раннего Флоренского к немецкому мыслителю, выраженную в материалах лекций и программах преподавания истории философии. Так что из виду упускается существенная специфическая черта раннего периода творчества Флоренского, которую можно также назвать методологической особенностью — вернуться назад к Канту, чтобы его продумать и преодолеть. Как показано выше, в этом безусловно выразилось влияние его университетских преподавателей — Лопатина и Трубецкого, как и его наставника в МДА — Введенского.

В ранних лекциях Флоренский демонстрирует глубокое знание кантовских текстов, а также знакомство с современными ему кантоведческой литературой и неокантианским дискурсом. Русский философ не ограничивается изложением кантовской мысли, но также стремится спуститься

в подвалы критической философии великого кенигсбержца. Также показательно, что Флоренский обращается к произведениям не только критического, но и докритического периода. Особую тональность в отношении Флоренского к Канту задает критика русским философом ряда положений кантовского критицизма, обусловленная, несомненно, симпатиями Флоренского к Платону, в чем также видится влияние Лопатина, Трубецкого и Введенского. Вместе с тем Кант выступает одной из центральных историко-философских фигур для Флоренского, о чем свидетельствует его курс лекций, посвященный философии Канта и прочитанный в 1910/11 уч. г.

Если подытожить — у раннего Флоренского было неоднозначное отношение к философскому наследию Канта, но не столь критическое, как то, что обнаруживается в «Философии культа». Русский философ в ранний период своего философского творчества хотя и видел недостатки кантовской мысли, но в то же время признавал значение «Коперника философии», что до определенного времени находило свое отражение в программе преподавания истории философии в МДА, где компонент античной философии сопровождался кантовским блоком. Таким образом, можно сделать вывод, что философия Канта для раннего Флоренского, несмотря на критику, стала одной из отправных точек для развития собственной оригинальной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

- Аноним.* Из академической жизни (25-летний юбилей профессора А. И. Введенского) // Богословский вестник. — 1912. — Т. 1, № 2. — С. 394–454.
- Балок Д. А., Форд Ч. Е.* Данте — Галилей — Флоренский : к апологии замкнутого космоса // Павел Александрович Флоренский / под ред. А. Н. Паршина, О. М. Седых. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — С. 256–275.
- Белов В. Н.* С. Н. Трубецкой и немецкое неокантианство : проблема идеализма // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2014. — № 2. — С. 3–14.
- Введенский А. И.* Современное состояние философии в Германии и Франции : [Отдел 1: Философия в современной Германии] // Богословский вестник. — 1892а. — Т. 3, № 10. — С. 23–45.
- Введенский А. И.* Фулье и метафизика будущего. III (окончание) // Вопросы философии и психологии. — 1892b. — Т. 11. — С. 127–145.
- Введенский А. И.* Современное состояние философии в Германии и Франции // Богословский вестник. — 1893. — Т. 2, № 5. — С. 283–318.

- Введенский А. И.* Современное состояние философии в Германии и Франции : (Зим. семестр 1891/2 учеб. г. в Берлине и летний — в Сорбонне и au Collège de France). — [Сергиев-Посад] : 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1894а.
- Введенский А. И.* Философия будущего в Германии // Богословский вестник. — 1894б. — Т. 1, № 1. — С. 77–99.
- Введенский А. И.* Учение Канта о пространстве : (Разъяснение и критика) // Богословский вестник. — 1895. — Т. 2, № 6. — С. 390–404.
- Введенский А. И., Рожин Д. О.* «Великий рационалист» : Алексей Введенский о Канте в контексте русской кантианы // Кантовский сборник. — 2024. — Т. 43, № 1. — С. 149–180.
- Гайденко П. П.* «Конкретный идеализм» С. Н. Трубецкого // Сочинения / С. Н. Трубецкой ; под ред. П. П. Гайденко. — М. : Мысль, 1994. — С. 3–42.
- Гейне Г.* К истории религии и философии в Германии / пер. с нем. А. Г. Горнфельда // Собрание сочинений. В 12 т. Т. 7 / под ред. Н. Я. Берковского, И. С. Виноградской, И. К. Лушпола ; пер. А. Г. Горнфельда. — М., Л. : Academia, 1936. — С. 9–154.
- Длугач Т. Б.* Проблема времени в философии И. Канта и П. Флоренского // Кант и философия в России / под ред. З. А. Каменского, В. А. Жучкова. — М. : Наука, 1994. — С. 186–211.
- Дмитриева Н. А.* Русское неокантианство : «Марбург» в России. Историко-философские очерки. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- Ермишин О. Т.* Князь С. Н. Трубецкой в истории русской мысли // Соловьевские исследования. — 2017. — № 3. — С. 46–55.
- Задорнов А. В.* Философская школа МДА / Московская духовная академия. — 2010. — URL: <https://mpda.ru/publications/filosofskaja-shkola-md/> (дата обр. 2 февр. 2025).
- Калиниников Л. А.* Кант в русской философской культуре : монография. — Калининград : РГУ им. И. Канта, 2005.
- Кант И.* Физическая монадология / пер. с лат. П. А. Флоренского // Богословский вестник. — 1905. — Т. 3, № 9. — С. 95–127.
- Круглов А. Н.* Кант как немецкий теоретик французской революции : возникновение догмы в марксистско-ленинской философии // Кантовский сборник. — 2021. — Т. 40, № 3. — С. 63–92.
- Круглов А. Н.* Философия Канта в России. — Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2024.
- Кузнецов С. О.* Слово и язык у о. Павла Флоренского // Павел Александрович Флоренский / под ред. А. Н. Паршина, О. М. Седых. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — С. 393–418.
- Лопатин Л. М.* Неотложные задачи современной мысли. — М. : печатня А. И. Снегиревой, 1917.

- Лопатин Л. М.* Лекции по истории новой философии. Ч. 1. Кант и его ближайшие последователи. — Берлин, Прага : Ватага, Пламя, 1923.
- Лопатин Л. М.* Учение Канта о познании // Философские характеристики и речи / под ред. В. В. Рубцова, А. Д. Червякова. — М. : Academia, 1995. — С. 57–67.
- Лубардић Б.* Јустин Поповић, Павле Флоренски и Кант : рецепција и сукоб — проблем хетерогених традиција мисли // Историја српске филозофије 1 / уредник И. Деретић. — Београд : Evro Giunti, 2011. — Стр. 227–299.
- Мелиоранский Б. М.* Теоретическая философия С. Н. Трубецкого // Вопросы философии и психологии. — 1906. — Т. 2, № 3/4. — С. 197–222.
- Павел Александрович Флоренский / под ред. А. Н. Паршина, О. М. Седых. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013.
- Павлов А. Т.* К истории философского образования в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. — 2013. — № 1. — С. 100–113.
- Паршин А. Н.* Лестница отражений (от гносеологии к антропологии) // Павел Александрович Флоренский / под ред. А. Н. Паршина, О. М. Седых. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. — С. 156–178.
- Паульсен Ф.* Иммануил Кант, его жизнь и учение / пер. с нем. Н. Лосского. — СПб. : Журнал «Образование», 1905.
- Рожин Д. О.* Рецепция гносеологических идей И. Канта в метафизике Ф. А. Голубинского // Кантовский сборник. — 2021. — Т. 40, № 1. — С. 97–123.
- Рожин Д. О.* Между Кантом и Тренделенбургом : к вопросу о генеалогии теории познания Кудрявцева-Платонова // Кантовский сборник. — 2023. — Т. 42, № 4. — С. 35–68.
- Свиридов И.* Гносеология священника Павла Флоренского // Богословские труды (Юбилейный сборник Московской Духовной Академии). — 1986. — С. 265–292.
- Трубачёв А.* Священник Павел Флоренский — профессор Московской Духовной Академии // Богословские труды (Юбилейный сборник Московской Духовной Академии). — 1986. — С. 226–246.
- Трубецкой Е. Н.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца / сост. С. М. Половинкина. — Томск : Водолей, 2000.
- Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни / под ред. О. А. Платонова. — М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- Трубецкой С. Н.* О природе человеческого сознания // Сочинения / под ред. П. П. Гайденко. — М. : Мысль, 1994. — С. 483–592.
- Флоренский П. А.* Космологические антиномии И. Канта : [Пробная лекция] // Богословский вестник. — 1909. — Т. 1, № 4. — С. 596–625.
- Флоренский П. А.* Пределы гносеологии : (Основная антиномия теории знания) // Богословский вестник. — 1913. — Т. 1, № 1. — С. 147–174.

- Флоренский П. А.* Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О Духовной Истине» // Столп и утверждение Истины. Т. 1. Ч. 2. — М. : Правда, 1990а. — С. 817–826.
- Флоренский П. А.* Столп и утверждение Истины. Т. 1. Ч. 1. — М. : Правда, 1990б.
- Флоренский П. А.* [Автореферат] // Сочинения. В 4 т. Т. 1 / сост. А. С. Трубачева ; под общ. ред. А. С. Трубачева. — М. : Мысль, 1994. — С. 37–43. — (Философское наследие ; 122).
- Флоренский П. А.* Памяти Владимира Францевича Эрна // Сочинения. В 4 т. Т. 2 / сост. А. С. Трубачева ; под общ. ред. А. С. Трубачева. — М. : Мысль, 1996. — С. 346–351. — (Философское наследие ; 124).
- Флоренский П. А.* Из лекций по истории философии Нового времени // Философские науки. — 2007. — № 1. — С. 20–44.
- Шапошников В. А.* Путь П. А. Флоренского в Церковь // Соловьевские чтения. — 2011. — № 1. — С. 36–49.
- Юркевич П. Д.* Разум по учению Платона и опыт по учению Канта. (Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Московского Университета, 12-го января 1866 года.) // Московские университетские известия. — 1865. — № 5. — С. 321–392.
- Nemeth T.* Philosophy in Imperial Russia's Theological Academies. — Berlin, Boston : Walter de Gruyter, 2023.
- Žust M. M.* À la recherche de la vérité vivante. — Roma : Lipa Srl, 2002.

Rozhin, D. O. 2026. "O znachenii kantovskoy filosofii dlya P. A. Florenskogo v ranniy period yego tvorchestva [On the Significance of Kantian Philosophy for Pavel Florensky in the Early Period of His Work]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (1), 246–272.

DAVID ROZHIN
PHD IN PHILOSOPHY
RESEARCH FELLOW

KANTIAN RATIONALITY LAB & ACADEMIA KANTIANA, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY
(KALININGRAD, RUSSIA); ORCID: 0000-0003-4877-2598

ON THE SIGNIFICANCE OF KANTIAN PHILOSOPHY FOR PAVEL FLORENSKY IN THE EARLY PERIOD OF HIS WORK

Submitted: Mar. 07, 2025. Reviewed: Oct. 18, 2025. Accepted: Jan. 07, 2026.

Abstract: As a part of the study of the reception of Kantian ideas in the views of Pavel Florensky, the specifics of his attitude to Kant's philosophical heritage in his first years after graduating from the Moscow Theological Academy remain unclear. For researchers, Kant in Florensky's views appears most often as an ideological opponent, but the Russian philosopher's position in the early period of his creative path shows a different tendency. To determine the nature of early Florensky's views in relation to Kant's philosophy, the possible

origins of Florensky's perception of Kant's ideas are considered and his first lectures and teaching programmes on the history of philosophy are analysed. It is shown that Florensky's position on Kantian criticism was influenced by L. M. Lopatin, S. N. Trubetskoy and Alexey I. Vvedensky, who were in line with the Plato-Kant opposition. In his first lectures, Florensky demonstrates not only a serious knowledge of Kantian texts of the pre-critical and critical periods, but also familiarity with the Kantian literature and neo-Kantian discourse contemporary to him. At the same time, it is demonstrated that for the early Florensky, despite his critical attitude to transcendental idealism, Kant acts as one of the central historical and philosophical figures, and that Florensky's interest in the history of the emergence of Kantian ideas is characteristic. Thus, Kant's philosophy for the early Florensky was not just an object of irreconcilable criticism, but became one of the starting points for Florensky's development of his own original thought.

Keywords: Kant, Florensky, Aleksey Vvedensky, Lopatin, S. Trubetskoy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-1-246-272.

REFERENCES

- Anonym. 1912. "Iz akademicheskoy zhizni (25-letniy yubiley professora A. I. Vvedenskogo) [From Academic Life (25th Anniversary of Professor A. I. Vvedensky)]" [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 1 (2): 394-454.
- Bayuk, D. A., and Ch. Ye. Ford. 2013. "Dante — Galiley — Florenskiy [Dante — Galileo — Florensky]: k apologii zamknutogo kosmosa [Towards an Apologia of the Closed Cosmos]" [in Russian]. In *Pavel Aleksandrovich Florenskiy [Pavel Alexandrovich Florensky]*, ed. by A. N. Parshin and O. M. Sedych, 256-275. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Belov, V. N. 2014. "S. N. Trubetskoy i nemetskoye neokantianstvo [S. N. Trubetskoy and the German Neo-Kantianism]: problema idealizma [The Problem of Idealism]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya [Lomonosov Philosophy Journal]*, no. 2, 3-14.
- Dlugach, T. B. 1994. "Problema vremeni v filosofii I. Kanta i P. Florenskogo [The Problem of Time in the Philosophy of I. Kant and P. Florensky]" [in Russian]. In *Kant i filosofiya v Rossii [Kant and Philosophy in Russia]*, ed. by Z. A. Kamenskiy and V. A. Zhuchkov, 186-211. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Dmitriyeva, N. A. 2007. *Russkoye neokantianstvo [Russian Neo-Kantianism]: "Marburg" v Rossii. Istoriko-filosofskie ocherki ["Marburg" in Russia. Historical and Philosophical Essays]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Florenskiy, P. A. 1909. "Kosmologicheskiye antinomii I. Kanta [Cosmological Antinomies of I. Kant]: [Probnaya lektiya] [Trial Lecture]" [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 1 (4): 596-625.
- . 1913. "Predely gnoseologii [Limits of Gnoseology]: (Osnovnaya antinomiya teorii znaniya) [(The Main Antinomy of the Theory of Knowledge)]" [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 1 (1): 147-174.
- . 1990a. *Stolp i utverzhdeniye Istiny [Pillar and Statement of Truth]* [in Russian]. Vol. 1, bk. 1. Moskva [Moscow]: Pravda.
- . 1990b. "Vstupitel'noye slovo pered zashchitoyu na stepen' magistra knigi 'O Dukhovnoy Istine' [Introductory Speech Before the Defence of the Master's Degree of the Book 'On Spiritual Truth']" [in Russian]. In *Stolp i utverzhdeniye Istiny [Pillar and Statement of Truth]*, vol. 1, bk. 2, 817-826. Moskva [Moscow]: Pravda.

- . 1994. “[Avtoreferat] [[Author’s Abstract]]” [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, comp. A. S. Trubachev, ed. by A. S. Trubachev, 37–43. 4 vols. *Filosofskoye naslediye* 122. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- . 1996. “Pamyati Vladimira Frantsevicha Erna [In Memory of Vladimir Frantsevich Ern]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Works]*, comp. A. S. Trubachev, ed. by A. S. Trubachev, 346–351. 4 vols. *Filosofskoye naslediye* 124. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- . 2007. “Iz lektsiy po istorii filosofii Novogo vremeni [From Lectures on the History of Philosophy of the New Time]” [in Russian]. *Filosofskiye nauki [Philosophical Sciences]*, no. 1, 20–44.
- Gaydenko, P. P. 1994. “‘Konkretnyy idealizm’ S. N. Trubetskogo [‘Concrete Idealism’ by Sergey Trubetskoy]” [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, by S. N. Trubetskoy, ed. by P. P. Gaydenko, 3–42. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Heine, H. 1936. *K istorii religii i filosofii v Germanii [Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland]* [in Russian]. In vol. 7 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, ed. by N. Ya. Berkovskiy, I. S. Vinogradskaya, and I. K. Luppel, trans. from the German by A. G. Gornfel’d, 9–154. 12 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Academia.
- Kalinnikov, L. A. 2005. *Kant v russkoy filosofskoy kul’ture [Kant in Russian Philosophical Culture: monografiya [Monograph]* [in Russian]. Kaliningrad: RGU im. I. Kanta [Russian State University named after I. Kant].
- Kant, I. 1905. “Fizicheskaya monadologiya [Monadologia physica]” [in Russian], trans. from the Latin by P. A. Florenskiy. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 3 (9): 95–127.
- Kruglov, A. N. 2021. “Kant kak nemetskiy teoretik frantsuzskoy revolyutsii [Kant as the German Theorist of the French Revolution]: vznikoveniye dogmy v marksist-sko-leninskoy filosofii [The Origin of a Dogma]” [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantian Journal]* 40 (3): 63–92.
- . 2024. *Filosofiya Kanta v Rossii [Kant’s Philosophy in Russia]* [in Russian]. Kaliningrad: Baltiyskiy federal’nyy universitet imeni Immanuila Kanta [Immanuel Kant Baltic Federal University].
- Kuznetsov, S. O. 2013. “Slovo i yazyk u o. Pavla Florenskogo [Word and Language in Father Pavel Florensky]” [in Russian]. In *Pavel Aleksandrovich Florenskiy [Pavel Alexandrovich Florensky]*, ed. by A. N. Parshin and O. M. Sedykh, 393–418. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Lopatin, L. M. 1917. *Neotlozhnyye zadachi sovremennoy mysli [Urgent Tasks of Modern Thought]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: pechatnya A. I. Snegirevoy [Printing House of A. I. Snegireva].
- . 1923. *Kant i yego blizhayshiyey posledovateli [Kant and His Closest Followers]* [in Russian]. Bk. 1 of *Lektsii po istorii novoy filosofii [Lectures on the History of New Philosophy]*. Berlin and Praga: Vataga / Plamya.
- . 1995. “Ucheniye Kanta o poznanii [Kant’s Doctrine of Cognition]” [in Russian]. In *Filosofskiye kharakteristiki i rechi [Philosophical Characteristics and Speeches]*, ed. by V. V. Rubtsov and A. D. Chervyakov, 57–67. Moskva [Moscow]: Academia.
- Lubardić, B. 2011. “Justin Popović, Pavle Florenski i Kant [Justin Popović and Paul Florensky Facing Kant]: recepcija i sukob — problem heterogenih tradicija misli [Reception and Conflict — The Problem of the Relation Between Heterogeneous Traditions of Thought]” [in Serbian]. In *Istorija srpske filozofije 1 [History of Serbian Philosophy 1]*, ed. by I. Deretić, 227–299. Belgrade: Evro Giunti.
- Melioranskiy, B. M. 1906. “Teoreticheskaya filosofiya S. N. Trubetskogo [Theoretical Philosophy of S. N. Trubetskoy]” [in Russian]. *Voprosy filosofii i psikhologii* 2 (3–4): 197–222.

- Nemeth, T. 2023. *Philosophy in Imperial Russia's Theological Academies*. Berlin and Boston: Walter de Gruyter.
- Parshin, A. N. 2013. "Lestnitsa otrazheniy (ot gnoseologii k antropologii) [Ladder of Reflections (from Gnoseology to Anthropology)]" [in Russian]. In *Pavel Aleksandrovich Florenskiy [Pavel Alexandrovich Florensky]*, ed. by A. N. Parshin and O. M. Sedykh, 156–178. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Parshin, A. N., and O. M. Sedykh, eds. 2013. *Pavel Aleksandrovich Florenskiy [Pavel Alexandrovich Florensky]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSP-EN) [Political Encyclopedia Publishers ROSSPEN].
- Paulsen, F. 1905. *Immanuel Kant, yego zhizn' i ucheniye [Immanuel Kant. Sein Leben und seine Lehre]* [in Russian]. Trans. from the German by N. Losskiy. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Zhurnal "Obrazovaniye" [Journal "Education"].
- Pavlov, A. T. 2013. "K istorii filosofskogo obrazovaniya v Moskovskom universitete [To the History of Philosophical Education at Moscow University]" [in Russian]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya [Lomonosov Philosophy Journal]*, no. 1, 100–113.
- Rozhin, D. O. 2021. "Retseptsiya gnoseologicheskikh idey I. Kanta v metafizike F. A. Golubinskogo [Reception of Kant's Epistemological Ideas in Fyodor Golubinsky's Metaphysics]" [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantian Journal]* 40 (1): 97–123.
- . 2023. "Mezhdru Kantom i Trendelenburgom [Between Kant and Trendelenburg]: k voprosu o genealogii teorii poznaniya Kudryavtseva-Platonova [On the Genealogy of Kudryavtsev-Platonov's Theory of Cognition]" [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantian Journal]* 42 (4): 35–68.
- Shaposhnikov, V. A. 2011. "Put' P. A. Florenskogo v Tserkov' [Path of P. A. Florensky in the Church]" [in Russian]. *Solov'yevskiy chteniya [Solov'ev Readings]*, no. 1, 36–49.
- Sviridov, I. 1986. "Gnoseologiya svyashchennika Pavla Florenskogo [Gnoseology of Priest Pavel Florensky]" [in Russian]. *Bogoslovskiy trudy (Yubileyny sbornik Moskovskoy Dухovnoy Akademii) [Theological Works (Jubilee Collection of the Moscow Theological Academy)]*, 265–292.
- Trubachëv, A. 1986. "Svyashchennik Pavel Florenskiy — professor Moskovskoy Dухovnoy Akademii [Priest Paul Florensky — Professor of the Moscow Theological Academy]" [in Russian]. *Bogoslovskiy trudy (Yubileyny sbornik Moskovskoy Dухovnoy Akademii) [Theological Works (Jubilee Collection of the Moscow Theological Academy)]*, 226–246.
- Trubetskoy, S. N. 1994a. "O prirode chelovecheskogo soznaniya [On the Nature of Human Consciousness]" [in Russian]. In *Sochineniya [Works]*, ed. by P. P. Gaydenko, 483–592. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1994b. *Sochineniya [Works]* [in Russian]. Ed. by P. P. Gaydenko. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Trubetskoy, Ye. N. 2000. *Iz proshlogo. Vospominaniya. Iz putevykh zametok bezhentsa [From the Past. Memories. From the Travelling Notes of a Refugee]* [in Russian]. Comp. S. M. Polovinkin. Tomsk: Vodoley.
- . 2011. *Smysl zhizni [The Meaning of Life]* [in Russian]. Ed. by O. A. Platonov. Moskva [Moscow]: Institut russkoy tsivilizatsii [Institute of Russian Civilization Publishing House].
- Vvedenskiy, A. I. 1892a. "Ful'ye i metafizika budushchego. III (okonchaniye) [Foulier and Metaphysics of the Future. III (End)]" [in Russian]. *Voprosy filosofii i psikhologii [Questions of Philosophy and Psychology]* 11:127–145.
- . 1892b. "Sovremennoye sostoyaniye filosofii v Germanii i Frantsii [Modern State of Philosophy in Germany and France]: [Otdel 1: Filosofiya v sovremennoy Germanii] [Sec-

- tion 1: Philosophy in Modern Germany]]” [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 3 (10): 23–45.
- . 1893. “Sovremennoye sostoyaniye filosofii v Germanii i Frantsii [Modern State of Philosophy in Germany and France]” [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 2 (5): 283–318.
- . 1894a. “Filosofiya budushchego v Germanii [Philosophy of the Future in Germany]” [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 1 (1): 77–99.
- . 1894b. *Sovremennoye sostoyaniye filosofii v Germanii i Frantsii [Modern State of Philosophy in Germany and France]: (Zim. semestr 1891/2 ucheb. g. v Berlīne i letniy — v Sorbonne i au Collège de France) [(Winter Semester of 1891/2 Academic Year in Berlin and Summer Semester in Sorbonne and au Collège de France)]* [in Russian]. [Sergiyev-Posad]: 2-ya tip. A. I. Snegirevoy [The Second Printing House of A. I. Snegireva].
- . 1895. “Ucheniye Kanta o prostranstve [Kant’s Doctrine of Space]: (Raz’yasneniye i kritika) [(Explanation and Criticism)]” [in Russian]. *Bogoslovskiy vestnik [Theological Bulletin]* 2 (6): 390–404.
- Vvedenskiy, A. I., and D. O. Rozhin. 2024. “‘Velikiy ratsionalist’ [‘The Great Rationalist’]: Aleksey Vvedenskiy o Kante v kontekste russkoy kantiany [Alexey Vvedenskiy on Kant in the Context of Russian Kantiana]” [in Russian]. *Kantovskiy sbornik [Kantian Journal]* 43 (1): 149–180.
- Yermishin, O. T. 2017. “Knyaz’ S. N. Trubetskoy v istorii russkoy mysli [Prince S. N. Trubetskoy in the History of Russian Thought]” [in Russian]. *Solovyovskiy issledovaniya [Solovyov Studies]*, no. 3, 46–55.
- Yurkevich, P. D. 1865. “Razum po ucheniyu Platona i opyt po ucheniyu Kanta. (Rech’, proiznesennaya v torzhestvennom sobranii Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta, 12-go yanvarya 1866 goda.) [Reason According to Plato’s Doctrine and Experience According to Kant’s Doctrine. (Speech Delivered at the Solemn Meeting of the Imperial Moscow University, 12th January 1866)]” [in Russian]. *Moskovskiy universitet-skiye izvestiya [Moscow University Izvestia]*, no. 5, 321–392.
- Zadornov, A. V. 2010. “Filosofskaya shkola MDA [Philosophical School of MTA]” [in Russian]. *Moskovskaya dukhovnaya akademiya [Moscow Theological Academy]*. Accessed Feb. 2, 2025. <https://mpda.ru/publications/filosofskaya-shkola-md/>.
- Žust, M. M. 2002. *À la recherche de la vérité vivante* [in French]. Roma: Lipa Srl.